

Содержание

НАЗАД ИЛИ ВПЕРЕД? Предисловие к русскому изданию книги «Вырождение» 1894 г.	3
Вместо предисловия	35

I. КОНЕЦ ВЕКА (FIN DE SIÈCLE)

«Гибель народов»	39
Симптомы болезни	49
Диагноз болезни	61
Причины болезни	85

II. МИСТИЦИЗМ

Психология мистицизма	100
Прерафаэлиты (Рёскин, Россетти, Суинберн, Моррис)	127
Символисты (Верлен, Малларме, Мореас)	165
Толстовщина	230
Рихард Вагнер.	271
Карикатурные формы мистицизма (Пеладан, Роллина, Метерлинк)	336

III. ЭГОТИЗМ

Психология эготизма	378
Парнасцы и демонисты (Катюль Мендес, Бодлер)	406
Декаденты и эстетики (Гюисманс, Баррес, Уайльд)	444
Генрик Ибсен	496

IV. РЕАЛИЗМ

Эмиль Золя и его последователи	646
--	-----

V. ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Прогноз	699
Терапия	719

МАКС НОРДАУ

ВЫРОЖДЕНИЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 1
ББК 87.3
Н82

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с немецкого *Р. Сементковского*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
Э. Мунка «Вечер на улице Карла Юхана».*

Нордау, Макс.

Н82   Вырождение / Макс Нордау ; [перевод с немецкого Р. Сементковского]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 736 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-155164-3

«Вырождение» — самая известная и противоречивая книга Макса Нордау, написанная на стыке культурологии, философии и психиатрии.

Нордау, ученик Шарко и Ломброзо, представляет свое объяснение явлению вырождения в западном обществе конца XIX века, иллюстрируя его примерами из работ наиболее ярких представителей искусства и философии своей эпохи: Вагнера, Ницше, Толстого, Ибсена, Уайльда и др. Культурный феномен «конца века» Нордау рассматривает как с медицинской точки зрения, считая дегенеративное искусство продуктом невроза, так и с социальной, отмечая негативное влияние упадка морали и разрушения традиционных структур общества, урбанизации и даже загрязнения окружающей среды.

УДК 1
ББК 87.3

ISBN 978-5-17-155164-3

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Назад или вперед?

Предисловие к русскому изданию книги «Вырождение» 1894 г.

Автор «Вырождения» хорошо у нас известен. Почти ни один из его трудов не остался не переведенным на русский язык, и все они читались с интересом, даже с увлечением. Чем это объясняется? Одним ли литературным дарованием автора, блеском и популярностью его изложения, его эрудицией? Нет, есть еще одно обстоятельство, быть может, наиболее существенное, заставляющее читателя относиться с особенным вниманием к трудам Макса Нордау. Он в них касается наиболее жгучих вопросов современности и обсуждает их с такой точки зрения, которая, на мой взгляд, представляет неизбежную ступень в развитии миросозерцания современной интеллигенции. Мы сейчас подробнее выясним нашу мысль, а пока хотим только заметить, что когда автор, занявший такую точку зрения и вполне подготовленный защищать ее с успехом, берется представить нам обзор почти всей современной литературы и искусства, когда он дает нам подробно мотивированную с этой точки зрения оценку наиболее выдающихся их представителей, начиная с французских и английских символистов и декадентов, разных Россетти, Суинбернов, Малларме, Верленов, Метерлинков и пр. и кончая такими мыслителями или художниками, как Толстой, Рихард Вагнер, Ницше, Ибсен, Золя, то его книга приобретает для широкой публики особенный

4   интерес, потому что главные представители литературы и искусства постоянно привлекают к себе внимание всей интеллигенции, влияют на ее миросозерцание, а вместе с тем поглощают значительную часть ее умственной деятельности, направленной на удовлетворение высших интересов духа. Новый труд Макса Нордау, книга «Вырождение», написана с тем же блеском, с той же эрудицией, с той же способностью излагать самые сложные и отвлеченные вопросы в крайне доступной для всех форме, как и прежние его труды. Но, быть может, ни одно из его произведений не устанавливает так ясно преимущественную связь между идеалами, которыми мы вдохновлялись недавно, и теми, которыми, вероятно, будем вдохновляться в недалеком будущем, не разрушает с такой силой многих заблуждений, предрассудков, суеверий, народившихся благодаря нашей неустойчивости, нашей склонности отрекаться от самых священных для человека жизненных принципов, не выясняет столь же наглядно несостоятельность овладевшего нами разочарования и не побуждает нас так красноречиво бодро приняться с новыми силами за осуществление задач, которые многие из нас уже готовы легкомысленно сдать в архив и заменить другими, совершенно несостоятельными, — как выясняет нам автор «Вырождения», — и во многих отношениях даже крайне опасными.

Замечательный труд нашего автора подвергся страстным нападкам еще раньше, чем вышла вторая часть, в которой окончательно выясняется его основная мысль. Напали на него и те, кто, по меткому выражению одного из наших философов, создают себе «идолов» вместо «идеалов», и те, кто присоседивается к знаменитости дня, чтобы обратить на себя внимание, и те, кто вторит разным шарлатанам, умеющим изобретать модные течения или ловко эксплуатировать их в свою пользу, и те,

наконец, кто искренно жаждет и алчет правды, но не обладает достаточным критическим чувством, чтобы разобраться в сложных отвлеченных вопросах, и поэтому, естественно, становится жертвой этих беззастенчивых людей. Вот эту самую многочисленную группу читателей и имеет главным образом в виду автор, прекрасно понимающий, что интеллигенция во всех цивилизованных странах переживает ныне время, которое можно охарактеризовать словами «в поисках истины». В новом своем труде наш автор говорит о «сумеречном» настроении, овладевшем европейской интеллигенцией, как отличительном признаке конца истекающего века. Прежние идеалы низвергнуты, новые не нарождаются, все, во что мы верили, утратило для многих обаяние, здоровый скептицизм заменился болезненным, чувствуется какое-то разочарование, пресыщение, словно мы опять «постыдно равнодушны к добру и злу», «ненавидим и любим случайно», словно «жизнь нас опять томит, как ровный путь без цели», и мы опять опасаемся, что потомок оскорбит наш прах «насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом».

Но есть ли действительное основание «печально глядеть на наше поколение»? Вот этот-то вопрос и старается разрешить Макс Нордау. Он очень внимательно присмотрелся к современной жизни, как она проявляется в литературе и искусстве. Неутешительны выводы, к которым он приходит. Положение в современной литературе и искусстве напоминает ему больницу — сколько в них болезненного, ненормального. Но чем же вызвано такое безобразное положение? Тем ли, что наши идеалы действительно оказались несостоятельными, или, может быть, мы сами провинились в том, что не сумели должным образом постоять за них, что малодушно отреклись от них при первой неудаче, — отреклись от «мысли плодovitой» и поспешили заменить ее мишу-

6 рой, прельщающей нас на миг, но готовящей нам только все новые и новые разочарования.

С чрезвычайной наглядностью и подчас с очень глубоким анализом Макс Нордау разъясняет нам, что мы действительно совершили недостойное зрелых людей отступничество. Чтобы лучше в этом отношении отметить его основную мысль и вместе с тем и главную его заслугу, мы считаем нелишним упомянуть здесь о том, о чем не говорится в книге, потому что оно имеет непосредственное отношение к избранной автором теме, но что тем не менее составляет фон той картины, которую мастерски изображает нам автор «Вырождения».

Спрашивается, почему теперь всюду интеллигенцией овладело «сумеречное» настроение, почему так часто наблюдается разочарование, болезненный скептицизм, почему продуманные «идеалы» заменены разными «идолами»? Были ли те идеалы, которые красили нашу жизнь, давали ей высший общественный, гражданский смысл, несостоятельны по существу? В таком случае «сумеречное» настроение конца века было бы вполне понятно и законно, и нам оставалось бы только искать новые идеалы, а пока они не найдены, «томиться жизнью, как ровным путем без цели». Но не заключается ли в такой постановке вопроса, как будто соответствующей теперешнему настроению большинства интеллигентных людей, явная нелепость? Человечество начало жить не вместе с нами: историческая его жизнь измеряется уже тысячелетиями, и целые тысячелетия длится его постепенное приближение к большему благополучию, к большей сумме счастья на земле. И всегда ход исторического развития был таков, что идеалы постепенно видоизменялись, коренясь в прошлом, развиваясь в настоящем, подготавливая почву для будущего. Что за странный самообман, принимающий характер сомнения, — думать, что этот вечно неизменный исто-

рический процесс обрывается нашим кратким земным существованием, что грядущее «пусто иль темно», потому что мы сами изверились в наших идеалах! Это напоминало бы человека, который, будучи опечален и убит изменой любимой женщины, сам пришел к убеждению и стал убеждать других, что истинная любовь на свете невозможна. Следовательно, самая постановка вопроса нелепа и объясняется исключительно тем, что мы слишком нетерпеливы, хотим сразу видеть на деле результаты той «мысли плодovitой», в которую мы верили, которой мы увлекались, ради которой готовы были самоотверженно бороться. Вследствие этого получается потешный оптический обман: вся вековая жизнь человека как бы отождествляется с жизнью данного поколения. Мы не понимаем, что какие-нибудь тридцать лет составляют ничтожный промежуток времени даже сравнительно с одной только исторической жизнью человечества. Но как ни нелеп подобный самообман, он весьма распространен и является источником того разочарования, того «сумеречного» настроения, которое ныне наблюдается среди европейской интеллигенции и находит себе совершенно ясное выражение в литературе и искусстве с их пессимизмом, склонностью вернуть давно минувшее прошлое, скептицизмом по отношению к тому, что было для нас священным еще так недавно. Мы имеем тут дело с очень широким общеевропейским течением, народившимся вместе с философией XVIII века, нашедшим себе выражение в великом перевороте конца этого века, отразившимся самым решительным образом на мирозерцании всех образованных людей, вызвавшим во всех странах неумеренные надежды и завершившимся, как оказывается, общим утомлением, разочарованием. Течение это охватывает собой всю частную, общественную и политическую жизнь. В политической жизни оно означает ниспровер-

8   жение прежних форм; в общественной — постепенное приобщение все новых классов к культуре; в частной — освобождение индивида от разных форм подавления свободы одной личности произволом или интересами других. Источник всех этих многообразных явлений, однако, один: все они сводятся к распространившемуся убеждению, что возможность прогресса, достижения большего благополучия всех людей вообще и каждого в отдельности зависит главным образом от установления свободы. Таким образом, свобода и составляет тот идеал, в который мы верили и в котором мы начинаем теперь сомневаться, отрекаясь одновременно от него и в политической, и в общественной, и в частной жизни. В политической жизни наблюдается реакция против столь прочно установившегося убеждения о безусловной спасительности народовластия. Реакция эта принимает самые разнообразные формы и наблюдается одновременно почти у всех народов: и парламентаризм, и наиболее прогрессивные формы правления, и всеобщая подача голосов встречают страстных антагонистов даже в том лагере, где, казалось бы, их менее всего можно было бы ожидать. Раздаются голоса, не только утверждающие, что все политические нововведения послужили единственно на пользу буржуазным элементам, но заявляющие, что новые политические формы, созданные великим переворотом конца прошлого века, представляют собой препятствие к достижению нормального развития государственной жизни. Политическая равноправность наталкивается на отпор не только со стороны деятелей, враждебных свободе, но и со стороны лиц, по-видимому, больше всего ею дорожащих. Последним предоставление народной массе широких политических прав начинает представляться опасным с точки зрения обеспечения всех видов свободы, которыми наиболее дорожит просвещенная часть

общества: религиозные свободы, свободы слова и мысли. Существует какое-то смутное предчувствие, что народная масса, столько веков стоявшая в стороне от культурной жизни, еще погрязшая в невежестве, в религиозных и экономических предрассудках, заручившись политическим влиянием, отнесется пренебрежительно к тому, что просвещенному человеку дороже всего на свете. 9

Не менее значительна и реакция в области общественной, преимущественно экономической. И тут формальное уравнивание в правах признается началом далеко не столь обаятельным, как еще недавно. Если нормальный общественный строй должен заключаться в том, чтобы всякое лицо, каково бы ни было его положение, пользовалось элементарными условиями, достойными человеческого существования, и имело возможность соответственно со своими умственными способностями и нравственными качествами пролагать себе дорогу в жизни, то и тут свободой не достигается предположенная цель, потому что многочисленные группы населения, вследствие полной экономической своей неспособности и вследствие господства капитала, не могут ею воспользоваться: она существует для них только на бумаге, а на деле говорить им о свободе — значит над ними издеваться. Вот та почва, на которой упрочивается сознание необходимости подавления свободы одних для доставления свободы другим, и это сознание проявляется теперь с большой силой в новом учении, которое принято называть государственным социализмом и которое является прямым отрицанием тех начал общественной свободы, которыми так сильно дорожили и мы сами, и наши отцы.

Наконец, в сфере частной польза свободы также подвергается многообразным сомнениям. Простое устранение тех пут, которые стесняли личность, представляется уже недостаточным. И в этом вопросе всюду происходит

10 реакция. Какую сферу частной жизни ни иметь в виду, везде мы наталкиваемся на сомнения, на отрицание: идеал личности совершенно свободной в преследовании своих целей, поклоняющейся единственно разуму как высшему своему законодателю, опирающейся в своей деятельности исключительно на знания, гордящейся ими и отвергающей все, что составляет преграду для жизни согласно природе, — этот идеал если не сдан в архив, то в значительной степени омрачен, и вместе с тем иссякает тот источник света, которым озарялась наша жизнь. Гордый человек, уверенный в себе, порывавший связь с прошлым и бодро глядевший в будущее, начинает смиряться: и им овладело разочарование, утомление, «сумеречное настроение», нашедшее себе столь ясное выражение в современной философии. То и дело возникает новое философское миросозерцание, представляющее полный контраст с недавним жизнерадостным настроением. Стоит назвать Шопенгауэра с его проповедью небытия, Ницше — с его презрением к черни и возвеличением избранных, аристократических натур, Толстого — с его приглашением подражать в жизни непросвещенной народной массе, стоит указать на замену жизнерадостного скептицизма, увлечения положительной наукой возвратом к суевию, пессимизмом, отвращением к жизни, чтобы понять, как глубок перелом, совершившийся в миросозерцании современной интеллигенции. Как бы ни различны были наши взгляды на этот перелом, одно несомненно: и в частной жизни свобода перестает быть тем идеалом, которому мы поклоняемся.

Вот на фоне всех этих мировых явлений и начинает обрисовываться миросозерцание, раскрывающее нам перспективу лучшего будущего, построенное не на отрицании всего, чем мы дорожили, что было для нас наиболее святого, а на укреплении, на дальнейшем раз-

витии тех политических, общественных и индивидуальных начал, для торжества которых боролись наши отцы и деды и которые и мы призваны защищать против надвигающихся «сумерек». Одним из наиболее талантливых и дельных борцов этого рода и является автор книги «Вырождение». Каждая страница его труда свидетельствует о том, что он верит в будущее, построенное на забываемых, но не забытых еще идеалах знания и свободы. В этом — громадное значение его книги, появляющейся именно в такой момент, когда философы с громкой известностью и руководители общества, вторя людям, теряющим мужество при временных неудачах, ополчаются против науки, против энергического дела, направленного к созданию лучших условий, против борьбы и рекомендуют нам пассивность, возврат к невежеству, отвращение к жизни, самоуничтожение...

На чем, однако, основывается наш автор, утверждая, что он в рамках обсуждаемого им вопроса «пришел не нарушить закон или пророков, а исполнить»? Мы видели, что преэминентность идеалов утрачена главным образом в смысле овладевшего умами недоверия к плодотворности свободы. Почему мог возникнуть и широко распространиться именно этого рода скептицизм или, выражаясь иначе, почему рационализм с его глубокой верой в разум человека и материализм с его глубокой верой в природу человека, в плодотворность освобождения ее от стесняющих ее пут заменились мистицизмом, пессимизмом? Не заключается ли причина этого явления в том, что мы не совсем верно оценили и человеческий разум, и человеческую природу? В самом деле, вернемся к исходной точке указанного нами широко-го течения, охватившего европейскую мысль во второй половине прошлого века. Самым грандиозным проявлением рационализма в жизни была Великая француз-